

Фактотум

Автор:

Чарльз Буковски

Фактотум

Чарльз Буковски

Чарльз Буковски – культовый американский писатель XX века, чья европейская популярность всегда обгоняла американскую (в одной Германии прижизненный тираж его книг перевалил за два миллиона), автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

Кто такой фактотум? Человек, который делает всё. Впрочем, Генри Чинаски выбирать не приходится. Вечный скиталец, вечный странник, альтер эго автора, он обречен на мучительный поиск самого себя.

В 1987 году роман был экранизирован Барбетом Шредером под названием «Пьянь». Сценарий к нему написал сам Буковски, а главные роли исполнили Микки Рурк и Фэй Данауэй.

В 2005-м на экраны вышел фильм «Фактотум» норвежского режиссера Бэнта Хамера.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Чарльз Буковски

Фактотум

Джону и Барбаре Мартин

Писатель отнюдь не стремится увидеть, как лев кушает травку. Он понимает, что и волка, и агнца создал один и тот же Господь, а потом улыбнулся «и увидел, что это хорошо».

Андре Жид

Charles Bukowski

ФАКТОТУМ

Copyright © 1975 by Charles Bukowski.

Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc.

Глава 1

Я приехал в Новый Орлеан в пять утра. Шел дождь. Я решил посидеть на автобусной станции, но люди меня угнетали, так что я взял чемодан, вышел наружу, под дождь, и побрел вдоль по улице. Я не знал, где здесь можно снять комнату подешевле.

Картонный чемодан распадался на части. Когда-то он был черным, но покрытие давно облезло, и остался один беззащитный желтый картон. Я пытался решить проблему, натерев желтые залысины черной ваксой. Но крем потек под дождем, и я испачкал обе штанины, пока шел по улицам, перекладывая чемодан из руки в руку.

И все-таки это был новый город.

Может быть, в этом городе мне повезет.

Дождь прошел, показалось солнце. Я забрел в черный район.

– Эй, белый! Ушлепок!

Я поставил чемодан на мокрый асфальт. На крыльце у подъезда сидела, болтая ногами, высокая азиатка. Вполне симпатичная, очень даже.

– Привет, белый ушлепок!

Я ничего не сказал. Просто стоял и смотрел на нее.

– Не хочешь заняться чем-нибудь нехорошим, а, беленький?

Она издевалась, смеялась надо мной. Сидела на ступеньках, болтала ногами. У нее были очень красивые ноги. И туфли на высоченных каблуках. Она болтала ногами и смеялась. Я поднял свой чемодан и пошел к ней. И тут я заметил, как занавеска в одном из окон слегка шелохнулась. Я успел разглядеть лицо. Чернокожий мужчина, похожий на Джерси Джо Уолкотта. Я развернулся и пошел дальше своей дорогой. Ее смех мчался за мной по пятам.

Глава 2

Комната располагалась на втором этаже. В доме напротив был бар. Он назывался «Кафе «Сходня». Двери бара были распахнуты настежь, и из окна моей комнаты мне было видно, что происходит внутри. Люди там собрались самые разные: в основном полные отморозки, но было и несколько интересных лиц. По вечерам я сидел дома, пил вино и рассматривал людей в баре, а деньги неумолимо кончались. Днем я обычно подолгу гулял по городу. Часами сидел на скамейках, глядя на голубей.

Ел я один раз в день: для экономии, чтобы денег хватило на подольше. Я нашел одну грязную забегаловку, владелец которой был полным чмом, но там подавали роскошные завтраки – блинчики, овсянку, сосиски – почти задаром.

Глава 3

В тот день я вышел на улицу, как обычно, и пошел шляться по городу. Мне было на удивление хорошо и спокойно. Солнце было как раз таким, каким нужно. Мягким и ласковым. В воздухе разливался безмятежный покой. Я добрался до центра квартала, и там был магазин. Перед входом на улице стоял какой-то мужик. Я прошел мимо.

- Эй, ПРИЯТЕЛЬ!

Я остановился и обернулся к нему.

- Работа нужна?

Я подошел к мужику. Дверь в магазинчик была открыта. Я заглянул туда. Большая темная комната. Длинный стол, за которым стояли люди. Мужчины и женщины. Все - с молотками, которыми они колотили по каким-то штукovinaм на столе. В темноте было не очень видно, что это такое. Мне показалось, что это моллюски. От них пахло моллюсками. Я развернулся и пошел дальше.

Я хорошо помню, как папа по вечерам приходил домой и говорил о работе. Каждый день. Разговор о работе начинался уже с порога, продолжался за ужином и завершался в родительской спальне, когда папа кричал: «Гасим свет!» - ровно в восемь вечера, потому что ему надо было как следует выспаться и набираться сил, чтобы завтра идти на работу. Сплошная работа. Ничего, кроме работы.

За углом меня остановил другой мужик.

- Слушай, дружище... - начал он.

- Да?

- Слушай, я ветеран Первой мировой. Я положил жизнь за эту страну, а теперь я вообще никому не нужен. Никто меня не берет на работу, никто. Меня тут не ценят. Хотя я столько сделал для этой страны. Я не ел уже несколько дней.

Помоги мне, чем сможешь...

- Я сам ищущу работу.

- Ты ищешь работу?

- Ага.

Я пошел дальше. Перешел через улицу.

- Врешь! - крикнул он. - Ты не ищешь работу! У тебя есть работа!

Спустя пару дней я приступил к поискам.

Глава 4

У него был слуховой аппарат. Провод от аппарата тянулся вдоль шеи и скрывался в кармане рубашки, где лежала батарейка. В офисе было темно и уютно. Мужик был одет в старый потертый коричневый костюм, мятую белую рубашку и потрепанный по краям галстук. Мужика звали Хедерклиф.

Я прочел объявление в местной газете. Контора была рядом с домом.

Требуется энергичный, честолюбивый молодой человек, который задумывается о будущем. Опыт работы - не обязательно. Перспектива карьерного роста. Начинаем с отдела доставки и дальше - вверх по служебной лестнице.

Я ждал в приемной вместе с другими молодыми людьми. Их было пять или шесть. Все исправно пытались казаться честолюбивыми и энергичными. Мы заполнили заявления о приеме на работу и теперь ждали, когда нас вызовут. Меня вызвали самым последним.

- Мистер Чинаски, почему вы ушли с сортировочной станции?

- Там у меня не было никаких перспектив.
- У железнодорожников хорошие профсоюзы, медицинское страхование, пенсия.
- В моем возрасте до пенсии еще далеко. О ней как-то не думаешь.
- Почему вы приехали в Новый Орлеан?
- У меня слишком много друзей в Лос-Анджелесе. Они мне мешали сосредоточиться на карьере. Я подумал, что надо уехать в совсем незнакомый город, где можно будет нормально работать, чтобы меня ничто не отвлекало.
- А кто даст нам гарантии, что вы не уйдете от нас, проработав всего ничего?
- Да, если что, я могу и уйти.
- Поясните, пожалуйста.
- У вас в объявлении сказано, что вы ищете честолюбивых людей, которые задумываются о будущем. Вы обещаете перспективу карьерного роста. Если такой перспективы не будет, я скорее всего уйду.
- Почему вы не побрились? Вы что, проиграли спор?
- Еще нет.
- Еще нет?
- Нет. Я поспорил с квартирным хозяином, что сумею устроиться на работу за один день. Даже с такой бородой.
- Хорошо. Мы подумаем и сообщим вам о своем решении.
- У меня нет телефона.
- Ничего страшного, мистер Чинаски.

Я вернулся к себе и принял душ. В общей ванной в конце грязного коридора. Потом оделся, вышел на улицу и взял бутылку вина. Поднялся к себе и сел у окна. Я пил вино и смотрел на людей в баре через дорогу, на прохожих на улице. Я пил медленно, не торопясь, и снова думал о том, что надо бы обзавестись пистолетом – причем быстро. Решил и сделал, без всяких раздумий и разговоров. Это вопрос смелости. А то я уже стал сомневаться, хватит мне смелости или нет. Прикончив бутылку, я лег и заснул. В четыре утра меня разбудил стук в дверь. Мне принесли телеграмму. Там было написано:

МИСТЕР Г. ЧИНАСКИ. ВЫХОДИТЕ НА РАБОТУ ЗАВТРА В 8 УТРА. ХЕДЕРКЛИФ.

Глава 5

Это был распределительный отдел издательства, выпускающего журналы. Мы работали за большим упаковочным столом – сверяли комплектацию заказов так, чтобы количество экземпляров совпадало с количеством, указанным в счете. После этого мы подписывали квитанцию и либо паковали заказ для отправки за город, либо раскладывали журналы по ящикам, предназначенным для местной доставки. Работа была легкая и скучная, но мои сослуживцы пребывали в состоянии непрерывного возбуждения. Переживали за свою работу. Сотрудников было немало: и ребят, и девчонок. Главного вроде бы не было. Никаких бригадиров и старших. Спустя пару часов после начала смены две девчонки крупно повздорили. Что-то насчет журналов. Мы паковали комиксы, и что-то где-то пошло не так. Спор никак не утихал. Девчонки совсем разъярились и принялись орать друг на друга.

– Послушайте, – сказал я, – эти книжонки даже не стоят того, чтобы их кто-то читал, не говоря уж о том, чтобы из-за них ссориться.

– Ага, – огрызнулась одна из девчонок, – ты тут у нас самый умный. Мы знаем, что ты себе думаешь. Что эта работа тебе не подходит. Она для тебя недостаточно хороша.

– Недостаточно хороша?

- Ну да. Твое отношение. Думаешь, мы ничего не видим?

Вот тогда я впервые узнал, что этого мало - просто делать свою работу. Надо еще проявлять к ней интерес. И даже страстно ее любить.

Я проработал в том месте еще дня три-четыре, а в пятницу вечером нам дали зарплату. Желтый конверт с зелеными купюрами и мелочью вплоть до последнего цента. Настоящие деньги, никаких чеков.

В тот день водитель грузовика, развозившего заказы, освободился пораньше. Он зашел к нам в отдел, сел на стопку журналов, закурил сигарету.

- Слышь, Гарри, - сказал он одному из клерков. - А мне сегодня подняли зарплату. На два доллара в неделю.

Вечером после работы я взял бутылку вина, поднялся к себе, выпил, потом спустился на улицу, к автомату, и позвонил в свою контору. Телефон звонил долго. Наконец мистер Хедерклиф взял трубку. Он был еще на работе.

- Мистер Хедерклиф?

- Да?

- Это Чинаски.

- Да, мистер Чинаски?

- Я хочу, чтобы мне подняли зарплату. На два доллара в неделю.

- Что?

- Да, на два доллара в неделю. Водителю вы зарплату подняли.

- Он работает в нашей компании уже два года.

- Мне нужны деньги.

– Мы вам платим семнадцать долларов в неделю, а вы просите девятнадцать?

– Да, все правильно. Так вы повышаете мне зарплату?

– У нас нет возможности.

– Значит, я увольняюсь.

Я повесил трубку.

Глава 6

В понедельник я мучился с бодуна. Я сбрил бороду и отправился по адресу, указанному в объявлении. Редактор – человек с запавшими глазами в обрамлении черных кругов – сидел за столом без пиджака, в одной рубашке. Он выглядел так, словно неделю не спал. В помещении было темно и прохладно. Это был наборный цех одной из двух местных городских газет – той, которая поменьше. Наборщики сидели за столами под включенными лампами и верстали страницы.

– Двенадцать долларов в неделю, – сказал он.

– Хорошо, – сказал я. – Согласен.

Я работал вместе с толстым дядечкой небольшого росточка, с обвисшим брюшком. У него были старинные карманные часы на золотой цепочке, толстые пухлые губы и вечно угрюмое выражение на мясистом лице. Он носил жилет и зеленые солнечные очки. Его морщины не были ни характерными, ни фактурными; лицо наводило на мысли о том, что его сложили, как лист плотной бумаги, в несколько раз, а потом кое-как разгладили. Он носил башмаки с квадратными носами, жевал табак и постоянно сплевывал тонкую струйку коричневой слюны в плевательницу, которую держал под столом.

– Мистер Белджер, – сказал он, имея в виду редактора, которому явно не помешало бы выспаться, – мистер Белджер изрядно потрудился, чтобы поставить на ноги эту газету. Он хороший мужик. Мы были на грани банкротства, а когда он пришел, дела сразу наладились.

Он посмотрел на меня.

– Обычно на эту работу берут студентов.

«Жаба ты, вот кто», – подумал я.

– Я имею в виду, – продолжал он, – что студенты, они же еще где-то учатся. И пока ждут, когда их позовут, могут спокойно читать учебники. Вы где-нибудь учитесь?

– Нет.

– Обычно на эту работу берут студентов.

Я вернулся в свою комнатку и сел за стол. Комната была маленькая, сплошь заставленная металлическими шкафами с выдвижными ящиками. В ящиках лежали цинковые клише, которые использовались для набора объявлений. Еще там были самые разные штампы с именами и товарными знаками заказчиков. Толстяк с мятым лицом кричал мне: «Чинаски!», и я мчался к нему выяснять, какое именно клише и какой именно штамп нужны ему для набора. Часто меня посылали в наборный цех конкурирующей газеты, чтобы взять у них штампы и литеры, которых не было у нас. Мы тоже одалживали им штампы. Мне нравились эти прогулки. Я нашел одно милое местечко в переулке неподалеку от редакции, где стакан пива стоил пять центов. Толстяк дергал меня нечасто, и я почти не вылезал из пятицентовой пивной, превратившейся в мой второй дом. Толстяк начал по мне скучать. Поначалу он просто недобро поглядывал на меня. А потом все же поинтересовался:

– А где ты был?

– Пиво пил.

- На эту работу обычно берут студентов.

- Я не студент.

- Наверное, вам придется отсюда уйти. Мне нужен кто-то, кто будет здесь постоянно.

Толстяк отвел меня к Белджеру, который выглядел так же устало, как всегда.

- Это работа для студентов, мистер Белджер. Боюсь, этот парень нам не подходит. Нам нужен студент.

- Хорошо, - сказал Белджер. Толстяк утопал прочь.

- Сколько мы вам должны? - спросил Белджер.

- За пять дней.

- Хорошо. - Он подписал какую-то бумажку и протянул ее мне. - Вот, получите деньги в кассе.

- Послушайте, Белджер, этот старый придурок - он настоящая жаба.

Белджер вздохнул:

- Господи, а то я не знаю?!

Я пошел в кассу.

Глава 7

Мы все еще в Луизиане. Впереди - долгий путь поездом через Техас. Нам выдали консервы, но не дали, чем их открыть. Свои банки я составил на пол и прилег на

деревянной скамье. Остальные ребята собрались в переднем конце вагона: сидели все вместе, болтали, смеялись. Я закрыл глаза.

Минут через десять я вдруг почувствовал, как пыль поднимается сквозь щели между деревянными планками. Это была очень старая пыль, гробовая пыль – от нее пахло смертью. От нее пахло чем-то таким, что было мертвым уже давно. Она проникала мне в ноздри, оседала на бровях, пыталась забраться в рот. Потом я услышал, как кто-то дышит, тяжело и натужно. Сквозь щели я разглядел человека, скорчившегося под сиденьем. Он выдувал пыль мне в лицо. Я приподнялся и сел. Человек выбрался из-под скамьи и рванулся в передний конец вагона. Я вытер лицо и уставился на этого мужика. Мне как-то не верилось, что все это происходит на самом деле.

Я услышал, как он быстро проговорил, обращаясь к ребятам:

– Если он подойдет, вы мне поможете, ладно? Обещайте, что вы мне поможете...

Они обернулись ко мне. Я снова лег на скамье. Мне было слышно, как они говорят:

– А что с ним не так?

– Кем он себя возомнил?

– Вообще ни с кем не разговаривает.

– Сидит там один, сам с собой.

– Вот козел. Ладно, приедем на место, мы с ним разберемся.

– А ты с ним справишься, Пол? По-моему, он законченный псих.

– Если я не смогу, значит, не сможет вообще никто. Но я его сделаю.

Потом мне захотелось пить, и я прошел в передний конец вагона, где стоял бак с водой. Когда я проходил мимо них, они разом примолкли. Молча они наблюдали, как я пью воду. Когда я вернулся на свою скамейку, они продолжили разговор.

Поезд часто останавливался – и ночью, и днем. На каждой станции была зеленая рощица и небольшой городок неподалеку. И практически на каждой станции кто-то «терялся». По одному или по двое.

– Какого хрена, опять? Где Коллинз и Мартинес?

Бригадир брал свой блокнот и вычеркивал имена.

После какой-то там остановки он подошел ко мне.

– Ты кто?

– Чинаски.

– Едешь с нами или чего?

– Мне нужна работа.

– Ага. – Бригадир отошел.

В Эль-Пасо нам объявили, что мы пересаживаемся в другой поезд, и выдали что-то вроде билетиков на одну ночь в ближайшем отеле и талончики на питание в местной кафешке. Также нам были даны очень подробные инструкции, как, где, когда и в какой именно поезд мы должны сесть завтра утром.

Пока все остальные ели, я ждал на улице. Потом они вышли, ковыряясь в зубах и болтая, и тогда я вошел в кафе.

– Надерем ему задницу, уроду!

– Сукин сын, как он меня раздражает!

Я взял мясо с фасолью и луком. Масла там не было, но кофе был очень приличный. Когда я вышел на улицу, мужиков уже не было. Ко мне подрулил какой-то бездомный. Я отдал ему билетик на ночь в отеле.

В ту ночь я спал в парке. Мне показалось, что так безопаснее. Я ужасно устал, так что жесткая парковая скамейка была не такой уж и жесткой. Я просто лег и заснул.

А потом меня разбудил звук, похожий на рев. Я и не знал, что крокодилы ревут. Вернее, не просто ревут: это был звук, который складывался из рева, шипения и возбужденных вдохов. Также я явственно слышал, как щелкает пасть. Какой-то пьяный матрос заплыл в самый центр пруда и схватил крокодила за хвост. Животное изгибалось, пытаясь достать обидчика зубами, но это было весьма затруднительно. Челюсти у зверюги были поистине чудовищные, но при этом не слишком проворные и слаженные. Второй матрос и молоденькая девчонка стояли на берегу и смеялись. Потом матрос поцеловал девчонку, и они вместе куда-то ушли, а тот парень, который в пруду, так и остался сражаться со взбешенным крокодилом...

В следующий раз меня разбудило солнце. Рубашка нагрелась и стала горячей, почти обжигающей. Матроса в пруду не наблюдалось. Крокодила – тоже. На соседней скамейке, слева, сидели два парня и одна девчонка. Судя по всему, они тоже спали здесь, в парке. Один из парней поднялся.

– Микки, – сказала девчонка, – у тебя стоит!

Они рассмеялись.

– Сколько у нас денег?

Они пошарили по карманам.

У них было пять центов.

– Ладно, и что будем делать?

– Не знаю. Пойдемте уже. По дороге решим.

Я наблюдал, как они вышли из парка.

Глава 8

Поезд прибыл в Лос-Анджелес. У нас было несколько дней до следующей пересадки. Нам снова выдали билетики в отель и талончики на питание. Свои билеты я отдал первому встречному бомжу. Потом отправился искать кафе, где можно было бы покушать на «питательные» талоны. В какой-то момент я заметил, что впереди идут двое парней, с которыми мы ехали всю дорогу от Нового Орлеана. Прибавив шагу, я их догнал и спросил:

– Как жизнь, ребята?

– Все замечательно.

– Правда? И вас ничто не беспокоит?

– Нет, у нас все хорошо.

Я обогнал их и нашел кафе. Там подавали пиво, и я обменял на него все талоны. В кафешке сидели все наши, с поезда. Я использовал свои талоны, и у меня ничего не осталось – только мелочь, которой хватило как раз на билет на трамвай к дому родителей.

Глава 9

Мама открыла дверь и закричала:

– Сынок! Это ты?!

– Мне бы поспать.

– Твоя комната всегда в твоём распоряжении.

Я прошел к себе в комнату, разделся и лег в постель. Мать разбудила меня где-то в шесть.

- Отец уже дома.

Я встал, оделся. Когда я вышел на кухню, стол уже был накрыт к ужину.

Мой отец – крупный высокий мужчина, выше меня. У него карие глаза. У меня – зеленые. А еще у него большой нос и уши, которые просто нельзя не заметить. Они как будто стремятся соскочить с его головы.

- Значит, так, – сказал он, – если ты думаешь тут остаться, я буду брать с тебя деньги за комнату, стол и стирку. Когда устроишься на работу, будешь выплачивать нам постепенно за все, за что задолжаешь, пока не выплатишь все целиком.

Мы ели молча.

Глава 10

Мама нашла работу. Ей надо было выходить на следующий день. Таким образом, дом оставался в моем полном распоряжении. После завтрака, когда родители ушли на работу, я разделся и снова улегся в постель. Подрочил, встал, нашел свою старую школьную тетрадку и принялся отмечать время пролетающих самолетов. Потом украсил страницу симпатичными рисунками непристойного содержания. Я знал, что отец сдерет с меня зверскую плату за комнату, стол и стирку и при этом, само собой, пропишет меня иждивенцем в налоговой декларации о доходах, но желания по-быстрому найти работу у меня почему-то не было.

Пока я нежился в постели, у меня в голове появилось какое-то странное ощущение. Как будто мой череп был сделан из ваты. Или вдруг превратился в воздушный шарик. Я буквально физически ощущал пустоту внутри черепа. И не понимал, что происходит. Но потом перестал париться. Мне было уютно и очень спокойно. Ощущение было скорее приятным. Я лежал, слушал классическую

музыку и курил отцовские сигареты.

Потом я встал и пошел в гостиную. На крыльце дома напротив сидела молоденькая домохозяйка. На ней было коричневое обтягивающее мини-платье. Я смотрел на ее платье, спрятавшись за занавеской. Смотрел и возбуждался. В конце концов я опять задрочил. Потом принял ванну, оделся и выкурил еще парочку сигарет. Примерно в пять вечера я вышел из дома и пошел прогуляться по городу. Гулял я долго, не меньше часа.

Когда я вернулся, родители уже были дома. Мама готовила ужин. Я пошел к себе в комнату – ждать, когда меня позовут. Меня позвали. Я вышел на кухню.

– Ну, что, – спросил папа, – работу нашел?

– Нет.

– Слушай, каждый, кто хочет найти работу, находит работу.

– Да, наверное.

– Мне даже не верится, что ты – мой сын. У тебя нет ни капли здоровых амбиций, когда человек говорит себе: «Надо. А раз надо, то встал и пошел». Как ты вообще собираешься жить в этом мире?

Он отправил в рот ложку вареного гороха, прожевал, проглотил и продолжил:

– И почему вся квартира прокурена? Пфф! Я как пришел, так сразу открыл все окна! Воздух был сизым от дыма!

Глава 11

На следующий день я опять завалился в постель, когда папа с мамой ушли на работу. Потом встал, вышел в гостиную и выглянул в окно, прячась за занавеской. Молоденькая домохозяйка снова сидела на крыльце дома напротив.

На ней было другое, еще более сексапильное платье. Я смотрел на нее очень долго. Потом занялся мастурбацией – медленно и обстоятельно.

Потом принял ванну, оделся. Нашел на кухне пустые бутылки, сдал их в пункте приема, получил денежку. Зашел в бар, взял пива. Народу в баре было немало. Все пили, смеялись, громко переговаривались, наперебой ставили песни на музыкальном автомате. Все были изрядно под мухой. Периодически передо мной возникал очередной стакан с пивом. Кто-то меня угощал. Я пил. Потом начал общаться с людьми.

В какой-то момент я выглянул в окно. Был уже вечер, почти ночь. Пиво по-прежнему появлялось словно по волшебству. Толстая тетка, владелица бара, и ее бойфренд были доброжелательны и дружелюбны.

Один раз я вышел наружу, чтобы с кем-то подраться. Хорошей драки не вышло. Мы оба были изрядно датые, а асфальт на стоянке у бара был весь в ямах и выбоинах и как-то не подходил в качестве твердой опоры для ног. Мы так и не подрались...

Потом я проснулся в красной кабинке в дальнем углу бара. Встал, огляделся. Все разошлись по домам. Часы над стойкой показывали 03.15. Я подергал дверную ручку. Дверь была заперта. Я зашел за стойку, взял бутылку пива, вернулся в кабинку и сел за столик. Потом встал, снова зашел за стойку, взял сигару и чипсы. Прикончив пиво, я взял в баре бутылку водки и бутылку виски. Пил их поочередно, разбавляя водой. Курил сигары. Съел кусок ветчины, чипсы, пару вареных яиц.

Я выпивал до пяти утра. Потом прибрал за собой, выкинул мусор в ведро, открыл дверь и вышел на улицу. Сзади ко мне приближалась патрульная машина. Они ехали медленно, следом за мной.

Где-то через квартал они остановились. Один из патрульных высунулся в окно.

– Эй, приятель!

Их фары светили мне прямо в глаза.

- Ты что тут делаешь?

- Иду домой.

- Живешь где-то поблизости?

- Да.

- А где конкретно?

- Лонгвуд-авеню, 2122.

- А что ты делал там, в баре, в такое время?

- Я там работаю сторожем.

- А чей это бар? Кто владелец?

- Дама по имени Джемел.

- Садись в машину.

Я сел в машину.

- Покажи, где ты живешь.

Они довезли меня до дома.

- А теперь выходи и звони.

Я поднялся на крыльцо, позвонил в дверь. Мне никто не открыл.

Я позвонил еще раз. Потом - еще. Наконец дверь открылась. На пороге стояли родители в домашних халатах поверх пижам.

- Ты пьян! – завопил отец.

- Да.

- А деньги откуда? На что ты пил?! У тебя же нет денег!

- Я устроился на работу.

- Ты пьян! Пьян! Мой сын пьян! Мой сын – жалкий никчемный алкаш!

Папины волосы стояли дыбом. Брови топорщились. Лицо было бордовым и опухшим со сна.

- Ты так кричишь, словно я кого-то убил.

- Это не менее гнусно!

- ...вот черт...

Меня стошнило прямо на коврик у двери. Персидский коврик с «Древом жизни». Мать закричала. Отец бросился на меня.

- Знаешь, как мы поступаем с собакой, когда она гадит на коврик?

- Да, знаю.

Он схватил меня за шею сзади. Потом надавил вниз, вынуждая меня согнуться. Он пытался заставить меня встать на колени.

- Я тебе покажу.

- Не надо...

Он уже почти тыкал меня лицом в это самое.

– Я тебе покажу, что бывает с собаками!

Я оттолкнулся от пола и резко выбросил руку вперед. Это был мастерский удар. Отец пролетел через всю комнату и плюхнулся на диван. Я подошел к нему.

– Вставай.

Он не встал, так и остался сидеть. Мать кричала:

– Ты ударил отца! Ты ударил отца! Ты ударил отца!

Она подлетела ко мне и полоснула меня по щеке ногтями.

– Вставай, – сказал я отцу.

– Ты ударил отца!

Она опять расцарапала мне лицо. Я повернулся и посмотрел на нее. У меня по щекам текла кровь. Кровь пропитала рубашку, брюки, ботинки, ковер. Мать опустила руки.

– Ты уже все, закончила?

Она ничего не сказала. Я пошел к себе в комнату, размышляя о том, что мне надо скорее искать работу.

Глава 12

Я вышел из комнаты только утром, когда они оба ушли на работу. Взял газету и принялся просматривать объявления в разделе «Требуется». Лицо болело. Меня подташнивало. Я нашел несколько подходящих объявлений, обвел их в кружок, худо-бедно побрился, принял пару таблеток аспирина, оделся и пошел на бульвар. Там я встал, подняв вверх большой палец. Машины проезжали мимо. Потом одна из них остановилась. Я забрался в машину.

– Хэнк!

Это был Тимми Хантер, мой старый приятель. Мы с ним вместе ходили в колледж.

– Чем занимаешься, Хэнк?

– Ищу работу.

– А я вот на днях уезжаю в Южную Калифорнию. Что у тебя с лицом?

– Женские ногти – страшная сила.

– Да?

– Да. Тимми, мне надо выпить.

Тимми остановился у ближайшего бара. Мы вошли, и он заказал две бутылки пива.

– А ты какую работу ищешь?

– Упаковщик, грузчик, сторож.

– Слушай, у меня есть деньги. Только надо заехать ко мне, они дома. Я знаю один замечательный бар в Инглвуде. Может, съездим туда?

Он жил с мамой. Когда мы вошли, она оторвалась от газеты:

– Хэнк, постарайся, пожалуйста, не спаивать моего Тимми.

– Как поживаете, миссис Хантер?

– В последний раз, когда вы с Тимми пошли по барам, вас обоих забрали в участок.

Тимми отнес к себе в комнату книги и вернулся в гостиную.

– Пойдем, – сказал он.

Бар, обставленный в гавайском стиле, был переполнен. Какой-то мужик орал в телефонную трубку:

– Пришлите кого-нибудь забрать грузовик. Я слишком пьян, не могу сесть за руль. Да, я понимаю, что потерял эту треклятую работу, просто пришлите кого-нибудь за машиной!

Тимми взял нам по пиву. Мы с ним очень мило общались. Молодая блондинка поглядывала на меня и показывала мне ногу. Тимми говорил без умолку. Вспоминал колледж: как мы прятали в шкафчиках бутылки с вином; потом вспомнил Попоффа и его деревянные пистолеты; Попоффа и его настоящие пистолеты; как мы прострелили дно лодки на озере в парке Уэстлейки и едва ее не утопили; как студенты устроили забастовку в спортивном зале...

Мы пили и пили. Молодая блондинка ушла с кем-то другим. Музыкальный автомат играл песни. Тимми продолжал говорить. На улице уже темнело. Потом нас вышвырнули из бара, и мы пошли вдоль по улице в поисках еще какого-нибудь заведения. Было уже десять вечера. Мы еле держались на ногах. На улице было полно машин.

– Слушай, Тимми. Давай отдохнем. Так сказать, упокоимся в мире.

Я увидел его. Здание морга. Особняк в колониальном стиле, с прожекторами и широченной лестницей из белого камня.

Мы с Тимми поднялись до середины лестницы. Там я бережно уложил его на ступеньку. Вытянул ему ноги, чтобы они были прямые, и аккуратно сложил его руки вдоль тела. Потом лег в той же позе ступенькой ниже.

Проснулся я в помещении. Я был там один. За окном брезжил рассвет. Было холодно. Я был без пиджака, в одной рубашке. Я попытался собраться с мыслями. Встал с жесткой койки, подошел к окну. На окне стояла решетка. За окном простирался Тихий океан. (Каким-то образом я оказался в Малибу.) Надзиратель пришел через час, гремя металлическими подносами и тарелками. Передал мне мой завтрак. Я сел на койку и принялся есть, слушая плеск океана.

Спустя еще сорок пять минут меня вывели в коридор. Там стояли какие-то парни, прикованные наручниками к длинной цепи. Я дошел до конца цепочки и протянул охраннику руки. Но тот сказал: «Тебе не надо». У меня были свои персональные наручники. Двое полицейских посадили меня в машину и куда-то повезли.

Как выяснилось, в Калвер-Сити. К зданию суда, куда меня провели с черного хода. Один полицейский пошел со мной, второй остался в машине. Меня привели в зал суда и усадили в первом ряду. С меня сняли наручники. Я огляделся. Тимми вроде бы не было. Как обычно, судью ждали долго. Мое дело разбирали вторым.

– Вы обвиняетесь в пребывании в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте и в создании помех дорожному движению. Десять дней тюремного заключения или штраф тридцать долларов.

Я признал себя виновным, хотя так и не понял, что он подразумевал под «созданием помех дорожному движению». Полицейский отвел меня обратно в машину.

– Ты еще легко отделался, – сказал он. – Из-за вас образовалась пробка длиной в целую милю. Это была самая длинная пробка за всю историю Инглвуда.

Меня отвезли в городскую тюрьму Лос-Анджелеса.

Глава 14

Вечером приехал папа, привез тридцать долларов. Когда мы выходили, у него в глазах стояли слезы.

- Ты нас опозорил. И мать, и меня, - сказал он.

Как я понял, он был знаком с кем-то из полицейских, который спросил у него:
«Мистер Чинаски, а что здесь делает ваш сын?»

- Мне было так стыдно. Подумать только! Мой сын - в тюрьме!

Мы дошли до его машины. Он сел за руль. Он по-прежнему плакал.

- Мало того, что ты не хочешь послужить своей стране на войне...

- Врач сказал, я не годен к военной службе.

- Сын мой, если бы не Первая мировая война, я никогда бы не встретился с твоей мамой, и ты бы вообще не родился.

- У тебя есть сигареты?

- А теперь ты попал в тюрьму. Твоя мать этого не переживет!

Мы проехали мимо каких-то дешевых баров в нижней части Бродвея.

- Давай зайдём и чего-нибудь выпьем.

- Что?! Ты еще смеешь заикаться о выпивке сразу после того, как тебя выпустили из тюрьмы, куда посадили за пьянство?!

- Собственно, в таких ситуациях как раз и надо чего-нибудь выпить.

- Только не говори матери, что ты хотел снова напиться. Сразу после того, как тебя выпустили из тюрьмы.

- И еще я бы снял девочку.

- Что?!

– Я бы снял девочку.

Папа едва не проехал на красный свет. Почти всю дорогу до дома мы ехали молча.

Наконец папа сказал:

– Да, кстати. Надеюсь, ты понимаешь, что штраф, который я за тебя заплатил, прибавляется к твоему долгу за комнату, стол и стирку?

Глава 15

Я устроился на работу на склад-магазин «Автозапчасти» неподалеку от Флауэр-стрит. Моим непосредственным начальником был долговязый уродливый дядька при полном отсутствии задницы. Если он пялил свою жену вечером накануне, то обязательно сообщал мне об этом утром:

– Вчера вечером я снова пялил жену. Первым делом займись заказом «Уильямс Бразерс».

– У нас кончились трехдюймовые фланцы.

– Закажи у поставщика и запиши как задолженный заказ.

Я проштамповал упаковочный лист и квитанцию печатью «33».

– Вчера вечером я снова пялил жену.

Я заклеил коробку с заказом «Уильямс Бразерс» широким скотчем, приклеил к ней ярлычок, взвесил, прилепил почтовую марку на необходимую сумму.

– Ей понравилось, да.

У него были песочного цвета волосы, песочного цвета усы и совсем не было задницы.

– Она описалась, когда кончила.

Глава 16

Счет за комнату, стол, стирку и т. д. получился немалым. Пришлось отдать не одну зарплату, чтобы полностью расплатиться. А когда это случилось, я съехал из дома. Жить у родителей было мне не по карману.

Я нашел комнату рядом с работой. Переезд не отнял много времени. Все мои вещи уместились в один чемодан, причем не заполнили и половины...

У Мамаы Стрейдер, моей квартирной хозяйки, были крашенные рыжие волосы, хорошая фигура, много золотых зубов и пожилой бойфренд. В первый же день, как я туда переехал, она позвала меня на кухню и сказала, что угостит меня виски, если я покормлю кур на заднем дворе. Я покормил кур, а потом мы сидели на кухне и пили виски с Мамой и Элом, ее бойфрендом. Я опоздал на работу на час.

На второй день, уже вечером, кто-то постучал в мою дверь. Какая-то толстая тетка хорошо за сорок. Она принесла мне бутылку вина.

– Я живу в комнате в конце коридора. Меня зовут Марта. Ты слушаешь музыку, и мне все слышно. Очень хорошая музыка. Я подумала, что надо тебя угостить.

Марта вошла. На ней был широкий зеленый халат, и после пары стаканов она принялась демонстрировать мне ноги.

– У меня красивые ноги.

– Я балдею от женских ног.

– Посмотри, что там выше.

У нее были толстые дряблые ноги, очень белые, в узлах красных вздувшихся вен. Марта рассказала мне о себе. Она была шлюхой. Работала в барах. Ее главным источником дохода был владелец большого универмага.

– Он дает мне денег. Я прихожу к нему в магазин и беру все, что хочу. Продавцы до меня не докапываются. Им было сказано меня не трогать. Он не хочет, чтобы его жена знала, что я трахаюсь лучше.

Марта встала, включила радио. Громко.

– Я хорошо танцую, – сказала она. – Смотри!

Она закружилась в своем зеленом халате, напоминавшем палатку. Задрыгала ногами. Она меня не возбуждала. Очень скоро она задрала юбку до пояса и принялась вертеть задницей у меня перед носом. На ней были розовые трусы с большой дыркой на правой ягодице. Потом она сбросила халат и осталась в одних трусах. Вскоре трусы тоже валялись на полу рядом с халатом, а сама Марта вихляла бедрами с претензией на эротический танец. Треугольник черных волос на ее интересном месте был почти полностью скрыт нависающим трясущимся животом.

Ее лицо заблестело от пота, тушь потекла. Марта присела на краешек кровати и как-то странно прищурилась. Она набросилась на меня прежде, чем я успел сообразить, что происходит. Ее губы прижались к моим. Ее дыхание пахло слюной, луком, винным перегаром и (как мне представлялось) спермой четырехсот мужиков. Она запихнула язык мне в рот. Он был скользким и мокрым. Я задохнулся и оттолкнул Марту. Она упала на колени, расстегнула молнию у меня на штанах, и уже в следующий миг мой вялый обмякший дружок был у нее во рту. Она сосала, как одержимая. Ее короткие мышиного цвета волосы были подвязаны желтой лентой. Ее щеки и шея были усыпаны прыщами и большими коричневыми родинками.

Мой член оживился и встал. Она застонала, укусила меня. Я закричал, схватил ее за волосы, оторвал от себя. Я стоял посреди комнаты, раненый и перепуганный до смерти. По радио передавали симфонию Малера. Я не успел сдвинуться с места – она снова бухнулась на колени и присосалась ко мне. Она немилосердно

сжимала мне яйца двумя руками. Ее голова дергалась, прыгала вверх-вниз. Дернув меня за яйца и едва не прокусив мне член, она заставила меня лечь на пол. Сосущие звуки наполнили комнату, в динамике радио гремел Малер. У меня было чувство, что меня пожирает свирепый безжалостный зверь. Член встал, весь в слюне и крови. Увидев это, Марта как будто взбесилась. У меня было чувство, что меня пожирают заживо.

«Если я сейчас кончу, – в отчаянии думал я, – то никогда себе этого не прощу».

Я приподнялся, схватил ее за волосы и попытался оторвать от себя, но она снова сжала мне яйца. Ее зубы вонзились в мой член, как будто она собиралась его откусить. Я закричал, отпустил ее волосы, упал на спину. Ее голова беспощадно прыгала вверх-вниз. Я подумал, что нас, наверное, слышит весь дом – как она мне отсасывает.

– НЕТ! – закричал я.

Она настойчиво продолжала. С какой-то нечеловеческой яростью. Я уже понял, что сейчас кончу. По всем ощущениям это было похоже на то, как будто кто-то высасывал внутренности у пойманной в ловушку змеи. Ярость Марты граничила с безумием. Она проглотила мою сперму – буквально всосала ее в себя.

И все равно продолжала меня терзать.

– Марта! Хватит! Уже все!

Но она и не думала прекращать. Она словно превратилась в огромный, ненасытный, всепоглощающий рот. Она все сосала, сосала, сосала.

– НЕТ! – закричал я опять...

На этот раз она выпила мою сперму, как ванильный коктейль, через соломинку. Я лежал совершенно без сил. Она поднялась, начала одеваться. При этом она напевала:

Когда девочка из Нью-Йорка

Говорит тебе «спокойной ночи»,

Это значит, что скоро утро.

Спокойной ночи, мой сладкий,

Уже скоро утро.

Спокойной ночи, мой сладкий,

Молочник уже разнес молоко...

Я кое-как поднялся, держась за растерзанную промежность. Нашел бумажник, достал пятерку, отдал ее Марте. Она взяла деньги, спрятала их между сисек, потом игриво схватила меня за яйца, легонечко сжала, отпустила и вышла за дверь, пританцовывая на ходу.

Глава 17

Я проработал в том месте достаточно долго, чтобы скопить на билет на автобус в какой-нибудь другой город плюс чуток долларов на первое время, пока не устроюсь куда-то еще. Я уволился с прежней работы, развернул карту США, посмотрел на нее и решил, что Нью-Йорк – это как раз то, что надо.

В автобус я взял пять пинт виски. Когда кто-то садился рядом и заводил разговор, я открывал чемодан, доставал бутылку и делал неслабый глоток. Так я доехал до места.

Автовокзал в Нью-Йорке находился поблизости от Таймс-сквер. Я вышел на улицу со своим чемоданом. Был уже вечер. Люди валили толпами из метро. Как насекомые, безликие, сумасшедшие, они надвигались на меня – теснились вокруг, толкали меня и друг друга – с каким-то маниакальным упорством. Они были повсюду, они издавали кошмарные звуки.

Я встал под козырьком подъезда какого-то дома и прикончил последнюю пинту.

Потом пошел дальше, пробираясь сквозь плотную толпу, и в конечном итоге нашел объявление о сдаче комнат на Третьей авеню. Я позвонил, мне открыла хозяйка. Пожилая еврейка.

- Мне нужна комната, - сказал я.

- Прежде всего тебе нужен приличный костюм, мальчик мой.

- Денег нет на костюм.

- Это очень хороший костюм, и практически задаром. У моего мужа свое ателье. Это тут рядом, через дорогу. Пойдем, я тебе покажу.

Я заплатил за комнату, отнес наверх чемодан. Потом мы с хозяйкой пошли в ателье через дорогу.

- Герман, покажи мальчику костюм.

- Да, костюм замечательный. - Герман достал костюм.

Темно-синий, немного поношенный.

- По-моему, он для меня маловат.

- Нет, нет. В самый раз. - Герман подошел ко мне. - Вот, померяй пиджак. - Он помог мне надеть пиджак. - Видишь? Отлично сидит... и как раз по размеру. Померяешь брюки? - Он приложил брюки мне к талии.

- Да вроде нормальные брюки.

- Десять долларов.

- У меня нет столько денег.

- Семь долларов.

Я отдал Герману семь долларов, забрал костюм и отнес к себе в комнату. Потом вышел купить вина. Вернулся к себе, запер дверь на замок, разделся и приготовился спать в настоящей, нормальной постели - впервые за несколько

дней.

Я забрался в кровать, откупорил бутылку вина, взбил подушку, подложил ее под спину, сделал глубокий вдох. Долго сидел в темноте, глядя в окно. В первый раз за пять дней я остался один. Я – человек, для которого уединение жизненно необходимо. Я не могу без него, как другие не могут без воды и пищи. Каждый день без одиночества отнимает у меня силу. Я не гордился своим одиночеством, но я был от него зависим. Темнота в комнате была для меня как свет солнца. Я отпил вина.

Внезапно комната наполнилась светом. Раздался скрежет и рев. Рельсы надземки проходили вровень с моим окном. Поезд остановился. Я смотрел на лица людей в электричке, а люди смотрели на меня. Простояв с полминуты, поезд поехал дальше. Снова стало темно. А потом яркий свет вновь залил комнату. Я опять смотрел на лица людей. Это было подобно видению ада, повторявшемуся вновь и вновь. И с каждым новым поездом, проходившим мимо, лица людей становились все более жестокими, уродливыми и безумными. Я пил вино.

Так продолжалось весь вечер: темнота, потом – свет; свет – потом темнота. Я прикончил бутылку и вышел взять еще. Вернулся, разделся, снова забрался в постель. Прибытие и отправление лиц за окном продолжались. У меня было такое чувство, словно мне является адское видение. Меня посещали сотни и сотни бесов, которых не терпит даже сам Дьявол. Я пил вино.

Потом встал и вынул из шкафа свой новый костюм. Надел пиджак. Он был слегка маловат. Сидел впрыток. Вроде бы, когда я мерил его в ателье, он был побольше. Вдруг раздался звук рвущейся ткани. Пиджак разошелся по шву на спине. Я снял с себя то, что когда-то было пиджаком. Но у меня еще оставались брюки. Я их надел. Вместо молнии на ширинке были пуговицы. Пока я пытался их застегнуть, штаны разошлись на заднице. Я потрогал себя сзади и нащупал трусы.

Дней пять я не делал вообще ничего, просто бродил по городу. Потом два дня пил. Потом переехал в другую съемную комнату в Гринвич-Виллидж. В колонке Уолтера Уинчелла я прочитал, что О'Генри написал все свои вещи за столиком в одном знаменитом писательском баре. Я разыскал этот бар и вошел туда – в поисках чего?

Был полдень. Я оказался единственным посетителем, несмотря на колонку Уинчелла. Я был один на один с большим зеркалом, барной стойкой и барменом.

– Прошу прощения, сэр, мы не можем вас обслужить.

Я так обалдел, что не смог даже слова сказать. Я ждал объяснений.

– Вы пьяны.

Может быть, у меня было похмелье, но я не пил уже двенадцать часов. Пробормотав что-то невразумительное об О'Генри, я вышел на улицу.

Глава 19

Магазин казался пустым и заброшенным. В витрине висела табличка: «Приглашаем на работу». Я вошел. Дяденька с тонкими усиками встретил меня улыбкой.

– Садитесь.

Он дал мне ручку и бланк анкеты. Я принялся ее заполнять.

– Высшее образование?

– Незаконченное.

– Мы занимаемся рекламой.

- Э?

- Вам это не интересно?

- Ну, понимаете, я живописец. Художник. У меня кончились деньги. Мои работы не продаются.

- Да, такое бывает.

- И они мне не нравятся.

- Не отчаивайтесь. Может быть, вы еще станете знаменитым после смерти.

Он объяснил, что работать надо было по ночам и что все с этого начинают, но есть хорошие перспективы карьерного роста.

Я ответил, что мне нравится работать по ночам. Он сказал, что начать можно с подземки.

Глава 20

Меня ждали два пожилых дядьки. Мы встретились в метрошном депо. Мне выдали целую стопку картонных плакатов и какой-то металлический инструмент, похожий на консервный нож. Мы зашли в один из вагонов.

- Смотри и делай, как я, - сказал один из дедков.

Он встал ногами на пыльное сиденье и принялся отдирать старые рекламные плакаты, поддевая их консервным ножом. «Теперь понятно, - подумал я, - откуда берутся все эти плакаты. Их вешают люди».

Каждый картонный плакат крепился на двух металлических полосках, которые надо было снять, чтобы повесить новую рекламу. Полоски были тугими, как самые плотные пружины, и согнутыми по контуру стены.

Мне дали попробовать снять плакат. Металлические полосы сопротивлялись моим усилиям. Категорически не желали сдвигаться. Я порезал пальцы об острые края. У меня пошла кровь. Сперва нужно было снять старый плакат, потом – закрепить новый. На каждый плакат уходило по целой вечности. Это был бесконечный процесс.

– Сейчас прямо поветрие в Нью-Йорке, у всех мандавошки, – сказал один из дедков.

– Правда?

– Ага. Ты ведь недавно в Нью-Йорке?

– Ага.

– И ты, то есть, не знаешь, что тут у всех мандавошки?

– Не знаю.

– Так вот. Вчера до меня домогалась одна красотка. Хотела, чтобы я ей заправил. А я сказал: «Нет, малышка, никакого разврату».

– Правда?

– Ага. Я сказал ей, что я ее трахну, если она даст мне пятерку.

– И что, она дала пятерку?

– Нет. Предложила мне банку грибного супа.

Мы добрались до конца вагона. Дедки вышли наружу и направились к другому вагону, стоявшему ярдах в пятидесяти от первого. Под нами чернела какая-то яма глубиной футов в сорок, а идти приходилось по шпалам. Причем можно было бы запросто проскользнуть между этими шпалами и рухнуть вниз.

Я выбрался из вагона и пошел, осторожно ступая по шпалам. В одной руке – консервный нож, в другой – стопка плакатов. По соседним путям прошел поезд с пассажирами. Его огни осветили дорогу.

Поезд проехал. Я оказался в сплошной темноте. Не видел ни шпал, ни промежутков. Я замер на месте.

Дедульки кричали мне из вагона:

– Иди быстрее! Чего ты встал?! У нас много работы!

– Подождите! Я вообще ничего не вижу!

– Мы не можем торчать тут всю ночь!

Глаза потихонечку привыкали к темноте. Я осторожно пошел вперед, медленно переставляя ноги со шпалы на шпалу. Забрался в вагон, сложил плакатики на пол и сел. Ноги были как ватные.

– Что случилось?

– Не знаю.

– Что с тобой?

– Здесь же запросто можно убиться.

– До сих пор никто никуда не упал.

– У меня ощущение, что я буду первым.

– Это все в голове.

– Я знаю. Как мне отсюда выйти?

– Там есть лестница. Только смотри, осторожнее.

Берегись поездов. А то идти надо через пути.

– Ага.

– И не наступи на третий рельс.

– А это что?

– Это рельс под напряжением. Он золотой. То есть по цвету как золото. Ну, ты увидишь.

Я пошел к лестнице. Дедки наблюдали за мной из вагона. Да, там был золотой рельс. Я переступил через него, подняв ногу повыше.

По лестнице я спустился бегом. Наполовину бежал, наполовину падал. Прямо у выхода, через дорогу, был бар.

Глава 21

Смена на фабрике собачьего корма продолжалась с 16.30 до часа ночи.

Мне выдали грязный белый передник и плотные матерчатые перчатки. Дырявые и прожженные в нескольких местах, так что пальцы выглядывали наружу. Инструкции я получил от беззубого эльфа с бельмом на глазу; бельмо было белозеленым в паутинке синих прожилок.

Он проработал на этой фабрике девятнадцать лет.

Я прошел на рабочее место. Раздался свисток, и конвейер пришел в движение. По ленте поползли собачьи галеты. Специальный аппарат выпечатывал из теста ровные кружочки, которые потом ссыпались на тяжеленные металлические противни с высокими железными краями.

Я взял противень и поставил его в печь у себя за спиной. Когда я обернулся, меня уже ждал следующий противень. Замедлить их поступление было никак не возможно. Они останавливались только тогда, когда происходил какой-нибудь сбой в механизме. Это случалось нечасто. А когда все же случалось, эльф побыстрому устранял неполадку.

Пламя в печи поднималось на высоту футов в пятнадцать. По конструкции печь походила на чертово колесо. В каждой духовке помешалось по двенадцать противней. Когда человек при печи (то есть я) заполнял всю духовку, он нажимал на рычаг, который включал механизм, крутящий колесо: заполненный духовой шкаф перемещался на один уровень вниз, а сверху прибывала следующая пустая духовка.

Противни были тяжелыми. Подняв хотя бы один, уже можно было изрядно выбиться из сил. И лучше не думать о том, что тебе надо тягать эти дуры восемь часов кряду, несколько сотен противней в смену, потому что тогда лучше сразу убиться. Зеленые собачьи галеты, красные собачьи галеты, желтые, коричневые, фиолетовые, синие, со специальным комплексом витаминов, вегетарианские.

От такой работы люди устают. У них наступает упадок сил, предельное утомление, когда у тебя едет крыша, и ты выдаешь совершенно безумные, гениальные вещи. У меня тоже сорвало чердак. Я ругался, разговаривал сам с собой, травил анекдоты, пел песни. Ад кипел смехом. Даже эльф смеялся надо мной.

Я продержался там пару недель. Каждый раз приходил на работу пьяный. Но всем было плевать. Это была такая работа, на которую никто не хотел идти. После часа у печи я становился трезвым как стеклышко. Руки были сплошной ожог. Каждую ночь, возвращаясь домой, к себе в комнату, я садился и протыкал волдыри иголкой, которую стерилизовал, обжигая спичками.

Как-то раз я пришел в цех пьянее обычного. И наотрез отказался работать.

– Все, с меня хватит, – объявил я.

У эльфа случилась психологическая травма.

– Как же мы тут без тебя, Чинаски?

- Ну...

- Доработай хотя бы эту смену!

Я обхватил его голову борцовским захватом и сжал. Его уши побагровели.

- Ах ты, мелкая сволочь, - сказал я. А потом отпустил его.

Глава 22

В Филадельфии я сразу снял комнату и заплатил за неделю вперед. Ближайшему бару было лет пятьдесят, не меньше. Там пахло полувековой мочой, дерьмом и блевотиной, проникавшими в помещение сквозь доски пола из съемных комнат внизу.

Было полпятого вечера. На пяточке в центре бара дрались два мужика.

Парень, сидевший справа от меня, сказал, что его зовут Дэнни. Того, кто был слева, звали Джим.

Дэнни держал во рту зажженную сигарету. В воздухе просвистела пустая пивная бутылка. Пролетела, чуть не задев Дэнни по носу. Он даже не шелохнулся, не стал смотреть по сторонам. Просто стряхнул пепел в пепельницу.

- Чуть сигарету не выбил, козел! Еще раз так сделаешь, урою!

Бар был переполнен. Среди посетителей имелись и женщины. Несколько домохозяек, туповатых и жирных коров, и пара-тройка вполне симпатичных девчонок, переживающих трудные времена. Пока я сидел, одна из девчонок ушла с мужиком. И вернулась минут через пять.

- Элен! Элен! Как тебе удается?

Она рассмеялась.

Еще один парень сорвался с места, горя желанием опробовать эту девчонку.

- Должно быть, она хороша, чертовка. Надо попробовать и убедиться!

Они вместе вышли из бара. Элен вернулась через пять минут.

- У нее там, наверное, между ног всасывающий насос.

- Это надо попробовать, - заявил древний дедок, сидевший в самом углу. - А то у меня не стояло с тех пор, как Тедди Рузвельт отдал богу душу.

Элен провозилась с ним десять минут.

- Хочу сэндвич, - сказал толстяк. - Кто-нибудь ходит за сэндвичем?

Я сказал, что схожу.

- С ростбифом, соусом и всеми делами.

Он дал мне деньги.

- Сдачу можешь оставить себе.

Я дошел до заведения, где делали горячие сэндвичи.

- С ростбифом, соусом и всеми делами, - сказал я продавцу, толстому дядьке с необъятным животом. - И бутылочку пива, пока я жду.

Я выпил пива, взял сэндвич, вернулся в бар, отдал бутерброд толстяку и нашел место за столиком. Передо мной появился стакан с виски. Я его выпил. Появился еще стакан. Я его выпил. В музыкальном автомате играла музыка.

Ко мне подошел молодой парень лет двадцати четырех.

- Мне надо вымыть жалюзи, - сказал он.

- Вымыть жалюзи, оно никогда не помешает.

- Ты что делаешь?

- Ничего. Пью.

- Так что насчет жалюзи?

- Пять баксов.

- Согласен.

Его звали Билли, но все называли его Малыш Билли. Он был женат на хозяйке бара, тетке сорока пяти лет.

Он принес мне два ведра, какое-то моющее средство, тряпки и губки.

Я приступил к первым жалюзи.

- Выпивка за счет заведения, - сказал Томми, ночной бармен. - Пока работаешь - пьешь сколько хочешь.

- стакан виски, Томми.

Дело шло медленно; пыль на рейках слежалась в твердую корку грязи. Несколько раз я порезался о металлические перекладки. От мыльной воды порезы щипало.

- Еще виски, Томми.

Когда я закончил с первыми жалюзи, посетители бара подошли посмотреть на мою работу.

- Красота!

- Да уж, стало гораздо приличнее.

- Теперь тут, наверное, поднимут цены.

- Еще виски, Томми, - сказал я.

Я принялся за вторые жалюзи. Потом мы с Джимом сыграли в пинбол, я выиграл четвертак, потом сходил в сортир, вылил грязную воду, набрал чистую.

Со вторыми жалюзи я провозился еще дольше. Опять порезался, и не раз. Похоже, что эти жалюзи не мыли лет десять. Потом я снова сыграл в пинбол, выиграл очередной четвертак, а Малыш Билли начал орать, чтобы я шел работать.

Мимо меня прошла Элен, направлявшаяся в женский сортир.

- Элен, когда я закончу, я дам тебе пять баксов. Пять баксов - нормально?

- Нормально. Только, когда ты закончишь, у тебя вряд ли встанет.

- У меня встанет.

- Я буду здесь до закрытия. Если ты что-то сможешь, я тебе дам за бесплатно.

- Я смогу, солнышко. Я смогу.

Элен пошла в сортир, а я крикнул Томми:

- Еще виски.

- Эй, ты бы не увлекался, - сказал Малыш Билли. - А то вряд ли сегодня закончишь работу.

- Билли, если я не закончу сегодня, ты сэкономишь пятерку.

- Согласен. Народ, все слышали, что он сказал?

- Слышали, слышали. А ты, Билли, жмот, каких мало.

- Томми, давай еще виски.

Томми налил мне очередной стакан. Я выпил и вновь приступил к работе. Я реально настроился и по прошествии какого-то времени и еще нескольких порций виски закончил со всеми тремя жалюзи.

- Ладно, Билли, давай пятерку.

- Ты еще не закончил.

- Что?

- Там еще три окна, во втором зале.

- Во втором зале?

- Ага, в банкетном.

Билли провел меня в банкетный зал. Там было еще три окна, еще три жалюзи.

- Слушай, Билли, я согласен за два с полтиной.

- Нет, либо ты делаешь все и тогда получаешь деньги, либо не получаешь вообще ничего.

Я вылил грязную воду, набрал чистую, налил в нее жидкого мыла и приступил к первым жалюзи во втором зале. Вынул все рейки, разложил их на столе и принялся задумчиво их разглядывать.

Джим подошел ко мне по дороге в сортир.

- Ты чего?

- Я не смогу.

Джим сходил в сортир, потом отнес свое пиво на барную стойку, подошел ко мне, молча взял тряпку и принялся мыть жалюзи.

- Джим, не надо. Оставь.

Я сходил к бару за очередной порцией виски, а когда вернулся в банкетный зал, одна из девчонок снимала жалюзи со второго окна.

- Осторожнее, не порежься, - сказал я.

Потом подошли еще несколько человек. Среди них была и Элен. Мы все драили жалюзи, о чем-то болтали, смеялись. И уже очень скоро почти все посетители бара переместились в банкетный зал. Я хлопнул еще пару виски. Наконец все три жалюзи были вымыты, собраны и развешаны по местам. Они буквально сияли, чуть ли не искрились. Пришел Малыш Билли.

- По идее, я могу не платить.

- Работа закончена.

- Но ты делал ее не один.

- Билли, не мелочись, - сказал кто-то.

Билли дал мне пять баксов. Мы все дружно вернулись в бар, и я бросил пятерку на стойку.

- Томми, налей-ка всем виски. Ну и мне тоже.

Томми разлил по стаканам виски и взял со стойки пятерку.

- С тебя еще три пятнадцать.

– Запиши на мой счет.

– Хорошо. У тебя как фамилия?

– Чинаски.

– Знаешь анекдот про поляка, который пошел в сортир во дворе?

– Знаю.

Я пил до закрытия, меня угощали буквально все. Добив последний стакан, я оглядел бар. Элен смылась, ее нигде не было. Она меня обманула.

«Испугалась, – подумал я, – все они, суки, боятся большого и толстого крепкого хуя...»

Я вышел из бара и побрел домой. Луна ярко сияла на небе. Мои шаги разносились эхом по всей пустой улице, и звук получался таким, как будто следом за мной кто-то идет. Я оглянулся. Никого не было. Я ошибся.

Глава 23

Когда я приехал в Сент-Луис, там было холодно. Собирался снег. Я нашел себе комнату в симпатичном и чистом месте, на втором этаже. Был ранний вечер, и у меня случился очередной приступ депрессии, так что я лег спать пораньше и даже сумел заснуть.

Утром, когда я проснулся, был жуткий холод. Меня бил озноб. Я встал с кровати и увидел, что одно из окон распахнуто настежь. Я закрыл окно и снова лег. Меня подташнивало. Я кое-как задремал, проспал еще часик, проснулся. Встал, оделся, добежал до уборной, и меня стошнило. Потом я разделся и снова лег. В дверь постучали. Я не ответил. В дверь продолжали стучать.

– Да? – сказал я.

– Ты там как, нормально?

– Нормально.

– Можно войти?

– Входите.

Вошли две девчонки. Одна была чуть полновата, но вполне ничего. Чистенькая, румяная, в розовом платье в цветочек. С добрым открытым лицом. Вторая носила широкий, облегающий талию пояс, который подчеркивал ее потрясающую фигуру. У нее были длинные темные волосы, стройные ноги и аккуратный изящный носик. Высокие каблуки, белая блузка с глубоким вырезом. Карие глаза, очень темные, почти черные. Она смотрела на меня, и в ее глазах плясали смешинки.

– Привет, я Гертруда, – сказала она. – А это Хильда.

Хильда смущенно зарделась, а Гертруда подошла к моей кровати.

– Мы слышали, как тебя тошнило в ванной. Ты что, болеешь?

– Да, наверное. Но это так, ничего серьезного. Просто спал с открытым окном.

– Миссис Даунинг, наша хозяйка, варит тебе бульон.

– Да нет, не надо. Со мной все в порядке.

– Бульон – он полезный.

Гертруда стояла рядом с моей кроватью. Хильда осталась на месте, вся такая румяная, розовая и смущенная.

– Ты недавно приехал в город? – спросила Гертруда.

– Да.

- В армии, я так поняла, ты не служишь?

- Ага.

- А чем занимаешься?

- Да, в общем, ничем.

- Не работаешь?

- Нет.

- Да, - сказала Гертруда, обращаясь к Хильде, - посмотри на его руки. Такие красивые руки. Сразу видно, что человек никогда не работал.

В дверь постучала хозяйка, миссис Даунинг. Большая, уютная женщина. Почему-то я сразу решил, что у нее умер муж и что она очень набожная. Она принесла огромную миску мясного бульона. От миски валил густой пар. Я взял миску из рук миссис Даунинг. Мы разговорились. Оказалось, что я был прав. У нее действительно умер муж. И она была очень набожной. К бульону она принесла гренки, соль и перец.

- Спасибо.

Миссис Даунинг посмотрела на девушек.

- Нам надо идти. Будем надеяться, ты скоро поправишься. Девочки не очень тебя беспокоят?

- Нет, совсем нет! - Я улыбнулся в миску с бульоном.

Миссис Даунинг это понравилось.

- Пойдемте, девочки.

Миссис Даунинг оставила дверь открытой. Хильда опять покраснела, улыбнулась мне уголками губ и ушла. Гертруда осталась. Она наблюдала за тем, как я ем.

– Вкусно?

– Да, очень. Большое спасибо. Вы такие заботливые... это так непривычно.

– Ну, я пошла. – Она развернулась и медленно направилась к двери. Я смотрел, как шевелится ее ладная попка под облегающей черной юбкой. На пороге Гертруда обернулась и посмотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд затягивал, гипнотизировал. Она почувствовала, как я на нее реагирую, кивнула и рассмеялась. У нее была очень красивая шея и роскошные длинные волосы. Гертруда ушла, оставив дверь чуть приоткрытой.

Я посолил и поперчил бульон, накидал в него гренок и скормил всю миску своей болезни.

Глава 24

Я устроился упаковщиком в магазин дамского платья. Даже во время Второй мировой войны, когда, по идее, должна ощущаться острая нехватка грубой мужской силы, на каждое рабочее место было по пять претендентов, не меньше. (Во всяком случае, на такую работу, которая не требует особенной подготовки.) Мы ждали очереди на собеседование и заполняли анкеты. Дата и место рождения. Семейное положение. Холостой? Женатый? Военнообязанный? Последнее место работы? Последние места работы? Почему вы ушли с прежней работы? Я заполнил столько анкет, что давно уже выучил и запомнил все правильные ответы. В то утро я проснулся поздно и пришел позже всех, и меня вызвали самым последним. Со мной беседовал лысый дядечка с забавными кустиками волос, торчавшими над ушами.

– Итак? – Он вопросительно взглянул на меня поверх листочка с заполненной анкетой.

– Я писатель во временном творческом кризисе.

- Значит, писатель.

- Да.

- Вы уверены?

- Нет, неуверен.

- А что вы пишете?

- В основном рассказы. И сейчас начал большой роман.

- Роман?

- Да.

- И как называется ваш роман?

- «Протекающий кран моей горькой судьбы».

- А что, мне нравится. И о чем будет роман?

- Обо всем.

- Обо всем? То есть, к примеру, о раковой опухоли?

- Да.

- И о моей жене?

- Да, конечно. О ней тоже будет.

- А почему вы хотите работать в магазине дамского платья?

- Мне всегда нравились дамы в дамских платьях.

- У вас категория 4-Ф? Вас признали негодным к военной службе?

- Да.

- Можно взглянуть на ваш военный билет?

Я показал ему военный билет.

- Мы вас берем.

Глава 25

Мы работали в подвале, стены которого были покрашены желтой краской. Мы раскладывали дамские платья по прямоугольным картонным коробкам длиной примерно в три фута и шириной в полтора. Платья надо было складывать так, чтобы они не помялись. Это требовало определенной сноровки. Нас подробно проинструктировали, что и как надо делать, куда класть картонные вставки и тонкую оберточную бумагу. Заказы, поступавшие из других городов, пересылались по почте. У нас у каждого были весы и франкировальные машинки. Курить категорически запрещалось.

Лараби был начальником упаковочного отдела. Клейн - первым помощником начальника упаковочного отдела. Лараби был главным. Клейн пытался устроить так, чтобы Лараби сняли с работы, и тогда он бы занял его место. Клейн был евреем, и хозяева магазина тоже были евреями, так что Лараби изрядно нервничал. Клейн и Лараби постоянно ругались и спорили. Каждый день, каждый вечер. Да, каждый вечер. Тогда, в военное время, проблема переработок стояла особенно остро. Большие начальники предпочитали нанимать меньше людей и заставляли их вкалывать сверхурочно, вместо того чтобы взять больше людей, и тогда каждый мог бы работать меньше. Смена длилась восемь часов, но начальству казалось, что этого мало. Например, я не помню, чтобы меня хоть раз отпустили домой пораньше. Нет, ты должен работать. Все оговоренное время и еще сверх того.

Глава 26

Каждый раз, когда я выходил в коридор, я встречал там Гертруду. Она как будто специально меня дожидалась. Она была само совершенство, воплощение сводящей с ума сексуальности в чистом виде, и она это знала, она этим пользовалась, она играла с тобой, и дразнила, и разрешала тебе изнывать и томиться. Ей это нравилось, ей было от этого хорошо. Мне тоже было неплохо. Она могла бы и не замечать меня вовсе. Если бы она захотела, то не позволила бы мне даже мельком обогреться в проблеске этой убийственной сексуальности. Как и большинство мужиков в такой ситуации, я понимал, что ничего от нее не добьюсь – никаких интимных бесед, никаких возбуждающих катаний на американских горках, никаких долгих прогулок воскресными вечерами, – пока не дам неких странных, загадочных обещаний.

– Ты странный парень. Ты все время один, да?

– Ага.

– Что с тобой?

– Просто болею. И когда мы познакомились, тоже болел. И до этого тоже.

– А сейчас?

– Сейчас нет.

– Тогда что не так?

– Я вообще не люблю людей.

– Думаешь, это правильно?

– Может быть, и неправильно.

– Пригласишь меня как-нибудь в кино?

– Я попробую.

Гертруда стояла передо мной, легонько покачиваясь на своих высоченных каблуках. Она придвинулась ближе. Она уже прикасалась ко мне какими-то участками тела. А я просто не мог ей ответить. Между нами все равно оставалось пространство. Слишком большая дистанция. У меня было чувство, как будто она обращается к человеку, которого нет. Когда-то он был, а теперь исчез. Может быть, умер. Ее взгляд был направлен прямо сквозь меня. Я не мог установить с ней контакт. Меня это не огорчало, не вызывало досады. Просто я чувствовал себя растерянным и абсолютно беспомощным.

– Пойдем со мной.

– Что?

– Хочу показать тебе свою комнату.

Я пошел следом за ней. Гертруда открыла дверь, и я вошел в ее комнату. Это была очень женская комната. На огромной кровати сидели плюшевые зверюшки. Они все удивленно таращились на меня: жирафы, медведи, собаки и львы. Пахло духами. Все было чисто и аккуратно. Все казалось уютным и мягким. Гертруда подошла поближе ко мне.

– Тебе нравится моя комната?

– Нравится. Да. Очень мило.

– Только не говори миссис Даунинг, что я приглашала тебя к себе. Она этого не поймет.

– Не скажу.

Гертруда молча стояла рядом.

– Мне надо идти, – в конце концов сказал я. Потом открыл дверь, вышел в коридор и вернулся к себе.

Глава 27

Заложив в ломбард несколько пишущих машинок и так и не выкупив их обратно, я отказался от мысли заиметь свою собственную. Свои рассказы я переписывал начисто от руки печатными буквами и в таком виде отсылал в редакции. Мне волей-неволей пришлось научиться писать начисто быстро. Теперь я пишу печатным шрифтом гораздо быстрее, чем прописью. Я писал по три-четыре рассказа в неделю. И отправлял их по почте в разные журналы. Мне представлялось, как редактор «Harper's» или «The Atlantic Monthly» говорит: «Так, что у нас тут? Еще одно произведение этого малахольного...»

Как-то вечером я пригласил Гертруду в бар. Мы сидели за столиком, пили пиво. На улице шел снег. Я себя чувствовал чуточку лучше. В смысле, лучше обычного. Мы пили пиво и разговаривали. Прошел час, может, чуть больше. Я слегка осмелел и стал ловить взгляд Гертруды, глядя ей в глаза. Она тоже смотрела мне прямо в глаза. «В наше время непросто найти стоящего человека», – сообщил музыкальный автомат. Гертруда легонько покачивалась в такт музыке и смотрела мне в глаза.

– У тебя странное лицо, – сказала она. – На самом деле ты не такой уж и страшный.

– Скромный упаковщик товаров, который пытается пробиться наверх.

– Ты когда-нибудь влюблялся? Любил?

– Любовь – это для настоящих людей.

– Ты вроде бы настоящий.

– Не люблю настоящих людей.

– Не любишь?

– Вообще ненавижу.

Мы взяли еще по пиву. Теперь мы почти не разговаривали, просто сидели и пили. Снег так и шел. Гертруда рассматривала людей в баре. Потом сказала:

- Правда, он очень красивый?

- Кто?

- Вон тот парень, военный. Который сидит один.

Как он прямо сидит. И у него столько медалей.

- Пойдем отсюда.

- Но еще рано.

- Хочешь, можешь остаться.

- Нет, я хочу пойти с тобой.

- Делай, что хочешь, мне все равно.

- Ты что, злишься из-за этого парня?

- Ничего я не злюсь!

- Злишься, злишься!

- Все, я пошел.

Я встал, оставил на столике чаевые и направился к выходу. Гертруда пошла за мной. Я не оглядывался, но слышал, как она идет. Я брел по улице, под снегопадом. Гертруда догнала меня и пошла рядом.

- Ты даже не догадался поймать такси. На таких каблучищах по снегу...

Я ничего не сказал. Мы прошли пять кварталов до нашего дома. Я поднялся по лестнице. Гертруда старалась не отставать. Я прошел к себе в комнату, закрыл дверь, разделся и лег. И услышал, как Гертруда швырнула об стену что-то тяжелое.

Глава 28

Я продолжал рассылать по журналам свои рассказы, отпечатанные рукописным способом. Большую часть своих вещей я отправлял в Нью-Йорк Клею Глэдмору, чьим журналом «Frontlife» искренне восхищался. Они платили всего двадцать пять долларов за рассказ, но именно Глэдмор «открыл» Уильяма Сарояна и многих других, и еще он был приятелем Шервуда Андерсона. Многие мои вещи Глэдмор вернул, не поленившись лично написать о причинах отказа. Да, его письма были короткими, но зато вполне доброжелательными и ободряющими. Большие журналы рассылали сообщения об отказах на стандартных отпечатанных бланках. У Глэдмора тоже были печатные бланки, но в его текстах ощущалась хотя бы какая-то человеческая теплота: «Нам действительно очень жаль, но, увы, мы не можем принять ваше произведение...»

Так что я продолжал отнимать время Глэдмора, посылая ему по четыре-пять рассказов в неделю. И продолжал упаковывать дамское платье внизу, в подвале. Клейн так и не выжил Лараби с начальственной должности. Коксу, еще одному упаковщику, было по барабану, кто у нас будет начальствовать, – лишь бы ему не мешали бегать курить на лестницу каждые двадцать пять минут.

Сверхурочная работа уже стала нормой. В свободное время я пил. Пил все больше и больше. О восьмичасовом рабочем дне можно было забыть навсегда. Мы трудились как минимум по одиннадцать часов, с утра и до позднего вечера. Причем по субботам тоже. И не полдня, как вначале, а полноценный рабочий день. Шла война, но дамское платье по-прежнему пользовалось большим спросом...

В тот день мы работали двенадцать часов. Наконец нас отпустили домой. Я надел пальто, поднялся из подвала, закурил сигарету и направился к выходу по длинному коридору.

- Чинаски! – услышал я голос хозяина магазина.

- Да?

- Зайдите ко мне.

Большой босс курил длинную дорогую сигару. Вид у него был довольный и отдохнувший.

- Это мой друг Карсон Джентри.

Карсон Джентри тоже курил длинную дорогую сигару.

- Мистер Джентри – тоже писатель. Очень интересуется сочинительством. Я сказал, что вы – писатель, и ему захотелось с вами познакомиться. Вы ведь не против?

- Не против.

Они сидели, смотрели на меня и курили свои сигары. Так прошло две-три минуты. Они затягивались, выдыхали дым, смотрели на меня.

- Можно, я уже пойду? – спросил я.

- Да, конечно, – ответил хозяин.

Глава 29

С работы и на работу я всегда добирался пешком. Пройти надо было шесть-семь кварталов. Деревья на улицах были все одинаковые: маленькие, какие-то изломанные, голые и наполовину замерзшие. Мне они нравились. Я брел по улице мимо продрогших деревьев под холодной луной.

Сцена в начальственном кабинете никак не шла у меня из головы. Эти сигары, эти дорогие костюмы. Мне представлялись бифштексы из сочного мягкого мяса, дорогие машины, большие красивые дома. Блаженное безделье. Поездки в Европу. Красивые женщины. Неужели они, эти люди, настолько умнее меня? Единственное различие между нами – это деньги и желание их копить.

У меня тоже все будет! Я стану откладывать каждый пенни. У меня непременно родится какая-нибудь гениальная идея, я возьму ссуду в банке. Начну свое дело. Буду брать людей на работу и увольнять их с работы. В нижнем ящике моего стола всегда будет храниться бутылка виски. У меня будет жена с сороковым размером бюста и такой задницей, что мальчишка, продающий газеты на углу, сразу кончит себе в штаны, когда увидит, как она проплывает мимо. Я стану ей изменять, и она будет об этом знать, но не скажет ни слова – ведь ей же хочется жить в моем доме, в таком богатстве. Я буду увольнять мужиков только ради того, чтобы увидеть смятение в их глазах. Я буду увольнять женщин, которые ничем не заслуживают того, чтобы их увольняли.

Надежда – это все, что нужно человеку. Когда нет надежды, ты лишаешься мужества, и у тебя опускаются руки. Мне вспомнилось, как я жил в Новом Орлеане: бывало, по две-три недели подряд питался двумя пятицентовыми карамельками в день – только чтобы нигде не работать и спокойно писать свои вещи. Но голод, к несчастью, никак не способствует творчеству. Наоборот, он мешает искусству. Корни души человека – в его желудке. Человек может создать гениальное творение после того, как съест сочный бифштекс и выпьет пинту хорошего виски. А после конфеты ценой в пять центов он ничего стоящего не напишет. Миф о голодном художнике – это наглая ложь. И как только ты понимаешь, что все вокруг – ложь и обман, ты становишься мудрым и принимаешься резать и жечь своих собратьев людей. Я построю империю на искалеченных телах и поломанных жизнях беспомощных и беззащитных мужчин, женщин, стариков и детей – я им покажу, что почем. Я им покажу!

Я добрался до дома, где снимал комнату. Поднялся по лестнице, открыл свою дверь, включил свет. Миссис Даунинг оставила мою почту на коврике перед дверью. Там был большой конверт из коричневой плотной бумаги. Письмо от Глэдмора. Я поднял его, взвесил в руке. Тяжелый. Это был вес отвергнутых рукописей. Я сел на стул, вскрыл конверт.

Дорогой мистер Чинаски.

Мы возвращаем Вам эти четыре рассказа, но берем в публикацию «Моя душа, напоенная пивом, печальнее всех мертвых рождественских елок на свете». Мы наблюдаем за Вашей работой уже достаточно долгое время и с удовольствием опубликуем написанный Вами рассказ в нашем журнале.

Искренне Ваш

Клей Глэдмор.

Я вскочил на ноги, сжимая в руках листок. Мой рассказ принят, он будет опубликован! МОЯ ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ. В лучшем литературном журнале Америки. Мир еще никогда не казался таким прекрасным, полным таких удивительных обещаний. Я сел на кровать, снова перечитал письмо. Изучил каждый завиток в подписи Глэдмора. Потом встал, подошел к комоду, прикрепил листок к зеркалу. Разделся, выключил свет, лег в кровать. Но заснуть так и не смог. Я встал, включил свет, сел перед зеркалом на комод и перечитал письмо еще раз:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/charlz-bukovski/faktotum>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)